

В РЕЦЕНЗИИ на мой роман «Мужики и бабы» — «Без прикрас, но и без меры», опубликованной в журнале «Наш современник» (№ 11, 1978 г.), рецензент Олег Волков спрашивает: «Как понять в описании пейзажа «теснившиеся островерхие сараи адоньев»? Бедь «одонья» (а не «адонья», вопреки написанию Можжева!) — это небольшие скирды, в которых снопы хранятся под открытым небом, тогда как сараи — это как раз крытое строение, и «сараи одоньев» вообще сапоги всмятку».

Отвечая. Одонья (а не «адонья» — тут простая опечатка) — не только «небольшие скирды», в которых снопы хранятся, но и «подклад», подстил под скирд, хворост, оплетенный на кольях поддон, от мокроты» (В. Даль). То есть те места, куда свозили снопы с поля и складывали. А рядом строили молотильный сарай. И все эти места, выделенные для многих дворов, назывались тоже одоньями. Отсюда и расхожее выражение — сходить на одонья за колосом или за соломой, чтобы скотину покормить. Это огнюдь не означало — залезть на хлебный скирд и нарвать колосу. Имелось в виду взять колос обмолоченный, хранившийся на одоньях. Очень жаль, что для иного читателя все равно, что одонья и что сапоги всмятку. Все, мол, это нелепость.

Найду еще одну опечатку — «мелексин» вместо «молексина», Олег Волков тут же ошибочно предлагает слово «рожь» писать во множественном числе — «ржи». «Рожь», так же как и «дичь», и «ложь», во множественном числе не произносятся и не пишется. «Рожь сей в золу, а пшеницу в воду». «Матушка рожь кормит всех дураков сплошь» и пр. Но зато в народе говорят: «Они пошли напрямик оржами». Или: «Скот погнали на озимья». Вместо «на озимь». Этими вольностями писатель имеет право пользоваться, создавая колорит народной речи.

Напрасно Олег Волков негодует на слова «ураза», «промзель», «охлябь», «назерком», «щадно», утверждая, что они почерпнуты из словаря Даля. Во-первых, Владимир Даль их не выдумал, а занес в свой словарь из народного говора, а во-

письмо в редакцию

САПОГИ ВСМЯТКУ, или что сказал бы УЧИТЕЛЬ ПУШКИНА БАТЮШКОВ?

В последнее время появилось немало художественных произведений, авторы которых широко используют диалектизмы, редко употребляемые местные слова и речения. В частности, и в этом аспекте разбирает новый роман Б. Можжева «Мужики и бабы» О. Волков в статье, опубликованной журналом «Наш современник», № 11. Печатаю сегодня письмо в редакцию Б. Можжева, «Литературная Россия» полагает целесообразным литературный спор по данной проблеме.

вторых, и современному писателю вовсе не возбраняется пользоваться тем же источником, из которого черпал свои познания русского языка и Владимир Даль.

Рецензент часто упрекает меня в отсутствии вкуса. Он пишет: «Учитель Пушкина Батюшков сеговал на «неблагозвучие» некоторых звуков русского языка. Что сказал бы он, слотыкаясь о бесконечные можжевские «хакнул», «гыкнул», «рыкнул», «хмыкнул», «регочет», «зачахал»? И не только он, а и Лев Толстой, ратовавший за безыскусственность и простоту языка, но почитавший верхом безвкусицы употребление слов «кошканы» и «кишка» в смежных строках!»

Не слова плохи, а сочетание слов порой бывает неблагозвучно. То есть в определенном контексте то или иное слово может «не звучать». Вот и следует, осуждая употребление того или иного слова, выписывать всю фразу, приводить слово в контексте. И Батюшков, и Толстой сеговали не на слова, а на «неблагозвучие» некоторых звуков русского языка. Одним из самых неблагозвучных звуков являлись и являются «щи» да «вши». Мой же рецензент, негодуя на отдельные слова, мало заботится о благозвучии и даже о собственном стиле. Вот извольте попытаться, как он пишет:

«Вместе с обилием персонажей, называемых по прозвищам и кличкам либо уменьшительными именами (вспомним Белинского!), вместе с языком романа, почти сплошь стилизованным под говор не слишком грамотного мужика (местами так и чудится растерзанный мужичонка на допотопном сходе, лохматый, в холщовой сряде, из тех, кого не принимают всерьез степенные хозяева, размахивающий руками и восполняющий недостаток словаря загогулистыми присловьями, вроде приведенных выше), эти сыплющиеся как из рога изобилия «курьезные» случаи и приключения, обросшие сомнительного вкуса остротами и прибаутками, либо обрекают персонажей романа на осмеяние, либо наводят на мысль об их беспросветной серости, ограниченности кругозора, отсутствии духовных запросов».

Право же, тут, в этих двух абзацах, столько «вшей» и «щей», что у меня и в целом романе не наберется. А каков слог? «Вместе с обилием персонажей... вместе с языком романа... эти сыплющиеся как из рога изобилия «курьезные» случаи и приключения...» Чем это хуже известного изречения: «Шел дождь и два студента»? Или знаменитого: «Высунул из окна туловище вместе с головой»? Не знаю, что сказал бы при этом «учитель Пушкина Батюшков». Но я могу повторить слова поэ-

та: «Увы! Сей слог не блещет красотой». Да простится мне вольность цитирования!

Сурово осудил меня рецензент не только за «некрасивые» русские слова, но и за мужицкие шутки, которые еще позволительны для «современника Рабле», а уж в двадцатом веке это самое — ни-ни! «Я имею в виду, разумеется, читателя нашего, двадцатого века, а не современника Рабле или даже Мольера», — пишет он. Из этого следует понимать, что читателю двадцатого века можно читать такие шутки у Рабле, а вот у Можжева уже нельзя. В заключение Олег Волков вроде бы резолюцию начертал на моем романе:

«Произведение приобретает привкус того специфического жанра, который в старинные времена считали предназначенным для гостинодворских приказчиков и молодцов».

Увы! Так оно и определялось, не писателями, разумеется, а чиновниками от литературы: для обитателей барских особнячков — один жанр, для «гостинодворских приказчиков и молодцов» — другой. Обратите внимание — и приказчики, и молодцы стоят в одном ряду.

Вот что отвечу я Олегу Волкову: негоже путать барских угодников с теми молодцами, которые презирали самих бар. Про тех самых молодцов и песни слагались: «У меня ль, у молодца, кудри как и вьются». Или: «Никто не загородит дорогу молодца!» Рецензент ругает вроде бы за любовь, на деле же у него прорывается пренебрежение к мужику. Чего стоят эти «гостинодворские приказчики и молодцы»? Или этот «растерзанный мужичонка... лохматый...»? Как про собаку писано.

Ну, не уважает, и не надо. Это, как говорится, личное дело рецензента.

Мogu сказать твердо, что русские классики не относились с пренебрежением к молодцам. Что же касается самого народа, так нет, пожалуй, более любимого образа в фольклоре, чем молодец. Про них, про этих молодцов, отчасти и мною писано в романе. Я знаю — они еще не перевелись. И ежели найдутся среди моих читателей такие вот молодцы, я буду очень рад.

Борис МОЖЖЕВ